

Старина про Добрыню Микитьевича (Добрыня и Змей)

Оставалось у Микиты все житье-бытье,
Все житье-бытье осталось имение,
Все имение осталось малу детищу,
А по имени Добрынюшке Микитьевичу.
А не белая береза земле клонится,
А не шелкова трава в поле устиляется,
Еще клонится родной сын перед матерью:
«Еще дай ты мне, матушка, благословение
Идти мне стрелять гусей-лебедей,
Перелетных серых уток!»
Ну, хоть дашь – пойду и не дашь – пойду».
«Ах, Добрыня, ты, Добрыня, ты, Микитьевич,
Ах, ты, детище мое, ты, любимое!
Ну, захватят тебя зори Петровские,
Еще те же солнцепеки меженные.
Ну, захочется помыться, покупатися,
А ты плавай, Добрыня, на первую струю,
А ты плавай, Добрынюшка, на вторую струю,
Не доплавливай Добрыня, на третью струю.
Еще третья та струя быстрым быстра.
Унесет тебя на море, море синее,
На синее море, море Греческо,
Донесет тебя ко камешку Алатыру,
Ко тому ко змеинищу Горынищу.»
Захватили его зори Петровские,
Еще те же солнцепеки меженные;
Захотелось помыться, покупатися.
Плавал Добрыня на первую струю.
Плавал Добрыня на вторую струю,
Со второй струи назад вворачивается.
Тут сказали его слуги верные:
«А не честь твоя хвала молодецкая,
А не выслуга твоя богатырская,

Не доплыл ты, Добрыня, на третью струю».
Доплывал Добрыня на третью струю.
А третья та струя быстрым быстра.
Унесла его усть моря, моря синего,
Того ли синя моря, моря Греческого,
Донесла его ко камешку Алатыру,
Ко тому ли змеинищу Горынищу.
Вылетал-то тут змеинище Горынище.
Веют крылья его гумажные,
Звенят его хоботы железные:
«Ах, Добрыня, ты, Добрыня, сын Микитьевич!
Святы отцы писали, прописалися,
И волшебники волшили, проволшилися,
Будто мне от Добрыни-то и смерть принять.
А теперь ты, Добрыня, в моих руках.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботом схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огне спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, целиком сглочу?»
А горзд-то был Добрыня по воде ходить,
Поперед его нырнул, сзади вынырнул.
Выходил он, Добрыня, на крутой бережок.
Не случился у Добрыни его добрый конь,
Не случилась у Добрыни сабля вострая,
А случилась только шляпа белоеломка.
Нагребал он в тоё (ту) шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли греческой,
Ну, стрелял он во змеинища Горынища,
Отбивал он его хоботы железные,
Обрывал он его крылья гумажные,
Падал-то змеинище на сыру землю.
Ретив был Добрынюшка Микитьевич,
Побежал он к змеинищу Горынищу,
Вынимал у него он булатный нож,
Распорол ему груди белые.
Отмахнул ему буйну голову,
Разрывал он змеинища по мелким частям,
Разбросал на все четыре на стороны.
Пошел Добрынюшка по бережку;
Плывут мимо корабельщики:

«Ой, вы, гости, вы, гости, корабельщики!
Увезите меня в стольный Киев-град,
Довезите к родимой моей матушке!»

Записана г. Богоразом от мещанина Соковикова, по прозвищу Кулдаря, на заимке Черноусовой, в области Нижней Колымы, помещена в «Очерках русской народной словесности» проф. В. Ф. Миллера, стр. 426. М. 1897 г.